

Марзия Габдулганиева

Форель и Полонез Огинского

Женские сказки

Марзия Габдулганиева Форель и Полонез Огинского. Женские сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23577733

ISBN 9785448399022

Аннотация

В первой части сборника собраны реальные счастливые случаи, которые произошли с моими героинями. Истории разные, но объединены одним и тем же чувством, имя которому – Любовь. Вторая часть сборника тоже про любовь, но как автор я позволила себе чуточку пофантазировать, добавить волшебства, чтобы рассказанные истории закончились самым чудесным образом, как в сказке из детства.

Содержание

Волшебные истории для взрослых женщин	5
Желанная	6
Милая, милая, счастье мое...	14
Мужчина и женщина	20
Запах душистой акации	24
Гульбахор1	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Форель и Полонез Огинского Женские сказки

Марзия Габдулганиева

© Марзия Габдулганиева, 2017

ISBN 978-5-4483-9902-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Волшебные истории для взрослых женщин

Маленькие девочки играют в куклы, расчесывают их золотистые локоны, рисуют им бумажные платьица или шьют с маминой помощью наряды, варят своим любимицам еду в игрушечной посуде, понарошку ходят в гости и ни на минуту не сомневаются, что куклы ненастоящие. Так живут маленькие девочки в настоящей волшебной сказке, а после вырастают в больших девочек, и очарование сказочной жизни постепенно теряется. Теряется и почти забывается, пока они не встретят Любовь.

В первой части сборника собраны реальные счастливые случаи, которые произошли с моими героинями. Истории разные, но объединены одним и тем же чувством, имя которому – Любовь.

Вторая часть сборника тоже про любовь, но, как автор, я позволила себе чуточку пофантазировать, добавить волшебства, чтобы рассказанные истории закончились самым чудесным образом, как в сказке из детства.

Желанная

Весь вечер ждала, ждала, устала ждать. Все время державшая себя в рамках разума она не понимала, что происходит с ней в этот день.

Он был какой-то необъяснимый – день внезапно нахлынувших чувств. Вот уже три года она, решительная и смелая в учёбе и общественных делах, тайно и безнадежно любила, не смея признаться себе в этом. Он учился курсом младше. Познакомились в стройотряде. Были хорошими друзьями, подкалывали друг друга безобидными шутками, пели Высоцкого, свои факультетские песни, как и полагается стройотрядовцам. Позже, встречаясь в коридорах института или общежития, коротко кивали друг другу. Изредка, при наличии времени, обменивались новостями. Иногда спрашивали друг друга: «Ну, как? Поешь Желанную?»

Это была отрядная песня. Все вечера звучала она и незаметно связала их. Связала. Так казалось ей, по крайней мере. В промежутках между лекциями, лабораторными, секцией легкой атлетики, выпуском факультетской газеты и многими другими делами всё вспоминала, вспоминала, как впервые увидела его. Ясные серо-голубые глаза, добрая улыбка. И песни, песни, что пели вместе под его гитару. Незаметно для сознания все самые сокровенные мысли оказывались связанными только с ним. И последующие три года после па-

мятного лета только короткие мимолетные встречи были наградой за неотвязные думы о нём. Наступило время уезжать на дипломную практику. Она приехала в город на несколько дней из стройотряда, чтобы купить билет на самолет. Общежитие пустовало. Август, абитуриентов мало, да и те по комнатам разбрелись, заняты зубрежкой. Пятикурсники отрабатывали практику на заводе, он тоже был здесь. Не владея собой от тяжести нахлынувших чувств, подошла к двери его комнаты. Постучала и тут же поняла – возврата нет.

– Да, – голос чистый, высокий. Из тысячи бы узнала.

– Здрав-ствуй? – удивлённый взгляд серо-голубых глаз.

Для неё сейчас не существовал никто, только он, удивленно вскинувший голову.

– Проходи.

Это чей-то другой, тоже знакомый голос. Оглянулась. Оказывается, знакомый по общежитию, который засуетился, засуетился, заговорил обрадованно. А она никого не видела и бодро, как ей казалось, спросила в пустоту,

– Ну, как живешь?

Пока знакомый, стоя уже в коридоре, что-то отвечал на вопрос, комната опустела. У всех нашлись неотложные дела. Парни, их было трое, одевались, прощались, уходили.

«Ты знаешь, зачем я пришла?» Она не сказала так, только подумала. И еще подумала: «Я и сама не знаю!» Вслух сказала,

– Приехала за билетом. Пусто в общежитии, никого не на-

шла. Решила к вам заглянуть.

– Ну и хорошо, что зашла.

– Я пойду.

– Куда же ты? Посиди у нас.

– Устала. Я недавно из стройотряда. До обеда еще на бетоне работала.

И уже у двери оглянулась, словно невзначай,

– Заходи, если сможешь.

– А поесть у вас ничего не найдется? Мы тут давно стипендию вспоминаем.

– Яблоки, кажется...

– Приду.

Он пришел почти сразу же. Сел у стола с яблоками. Заговорил, как тем летом, три года назад, пересыпая речь подковырками, смешными выражениями. Она, боясь поверить в его приход, застыла в оцепенении. Улыбнулась виновато,

– Вот видишь, как я отвыкла от тебя. Не понимаю совсем, что ты говоришь.

Замолчала. Голос, его голос, чуть приглушенный, мягко доходил до её слуха, но смысл она не могла уловить и ответить словом тоже не получалось. Неожиданно он заторопился. Поднялся, бегло глянул на стол,

– Меня ждут.

– Иди. Возьми яблоки. Парней угостишь.

– Нет. Зачем?

У двери догнала.

– Да что ты, в конце концов. Возьми. Я не хочу.
Посмотрел. Улыбнулся. Отделил два.
– Это пусть тебе останется.
Ушел. И вдруг снова стук в дверь. Вздрыгнула.
– Выпить не хочешь?
– А что?
– Водка.
– Нет, я только сухое вино чуть-чуть.
– Сухого нет, – и ушел.
Рванулась вслед, опять не помня себя.
– Хочу... водки.

Но коридор был пуст. Пошла на кухню в конце коридора, поставила чайник на плиту. Когда вода вскипела, вымыла волосы по-студенчески, как это делалось в общежитии, поливая себе на голову из чайника. В комнате включила настольную лампу и прилегла прямо на голую сетку. (Постели и матрасы все были сданы перед отъездом в стройотряд). Думала отдохнуть до его прихода, совсем не веря в это. Незаметно для себя уснула. И всё видела один сон. Словно ждёт, ждёт, ждёт...

Неожиданно проснулась от еле слышного стука. Еще не очнувшись ото сна, приподняла голову. Никого. Снова заснула. Стук повторился чуть громче. Опять никого. Снова заснула. Засыпая, пробормотала,

– Войдите же.

И забылась в сонном ожидании. Но что-то промелькну-

ло в сознании, заставило приподняться. Зашарила рукой по тумбочке, отыскивая очки.

– Не надо.

– Ты? Ты?

– Не вставай, – присел рядом на кровать, продолжая говорить, – у тебя волосы смешно торчат.

– Да, я их вымыла.

– Пышные. – и нежно притронулся к голове, не замолкая ни на минуту.

– А мы в аэропорт ходили. Идем обратно, смотрю, у тебя свет. Думаю, дай зайду.

– Что, если б я не проснулась, и дверь была заперта?

– По трубе бы залез в окно.

– Около нас нет трубы.

– Все равно залез бы. – и добавил тихо, – Милая...

Она настороженно посмотрела на него. Почувствовав недоверчивость в её взгляде, снова заговорил,

– А на улице дождик. Я босиком гулял. Мы заглядывали к тебе, но ты спала.

– Надо было разбудить. Я люблю дождь.

И тут только спохватилась,

– Ты босиком? Вот тапки, возьми.

– Это ж надо же, а? Тапки заставляют обувать, – тихо и счастливо смеясь, проговорил он, но даже не попытался встать.

– Ну что ты... – неловко перегнувшись с кровати, стала

близоруко высматривать домашние тапочки.

– Сейчас, сейчас, только ты садись, – забеспокоился тревожно. Но она уже нашла тапочки и, чему-то улыбаясь, стала натягивать их на его босые, грязные и холодные ноги.

– Это ж надо же! Даже обули. Снова тихо засмеялся он и по-доброму взглянул.

Молчание обволакивало. Сонное состояние не отпускало, и не хотелось ничего в этом молчании менять, но ночной гость нарушил тишину,

– У нас вино сухое есть.

– Неси.

– Нельзя, парни обидятся, пойдем к нам.

– Уже поздно.

– Милая, милая, – его лицо приблизилось к ней, руки бережно перебирали волосы. Счастье от его близости, ласковых слов опьянило и, не пытаясь справиться с наплывом чувств, она судорожно заплакала, уткнувшись ему в шею или плечо.

– Я ждала тебя, с того самого лета ждала.

Словно боясь спугнуть, он осторожно обнял её.

– Ну что ты плачешь, не плачь, милая...

Говорил тихо, а «милая» шептал чуть слышно в ухо, будто стесняясь своей нежности.

– Ну не плачь. Хочешь, я тебя поцелую?

– Да.

Обессиленная от слез, она ничего не почувствовала, кро-

ме огромной радости и говорила, говорила...

– Я от радости плачу. Ты мое солнышко.

– Не надо, не надо. Пойдем лучше к нам. «Желанную» будем петь. Парни еще не спят. Напоминание о «Желанной» решило все. Встала, строгая и заплаканная.

– Пойдём. Я только умоюсь схожу. Через несколько минут они шли по коридору мужского этажа. Он рывком распахнул дверь своей комнаты. Яркий свет из коридора осветил три недоумённые и сонные физиономии, приподнявшиеся с коек. На самой ближней к двери натягивал на себя одеяло её знакомый. Ей стало не по себе от вопросительного и понижающего взгляда. Зашептала, оправдываясь,

– Спите, спите. Мы попеть с вами хотели.

Увидела на тумбочке гитару, схватила, бегом спустилась на свой этаж. Опустошенная эмоциями, села на стул, не выпуская из рук гитары. Он появился минут через пять,

– Я вино уволок. Не давали, черти. Сами спят, а за бутылку держатся.

– Зачем это? Отнеси обратно.

– Ничего. Им уже лишка. А оно болгарское – «Рислинг». Вот и яблоки. Вино и фрукты. Здорово. Сейчас будем петь.

«Желанная» не получилась сразу, не хватало еще двоих, с кем вместе пели на целине. Но они упрямо пробовали то первую, то вторую партию и лишь в третий раз добились, что последний куплет зазвучал так, как она сохранилась в их памяти.

«Пусть разлука злая наносила сердцу раны. Все же ты сейчас со мной, о, моя желанная...»

Замолчали. Он задумчиво пощипывал струны.

– Пожалуйста, спой свою любимую.

Перебрал струны, немного придвинулся и запел тихо-тихо: «Гори, гори, моя звезда...»

Когда начались слова: «Ты для меня одна заветная, другой не будет никогда...» она тихонечко, чтобы не помешать песне, обняла его за плечи и начала вторить. Спели последний куплет, снова первый. Потом повторили «Желанную», целинные песни. Никто не смог бы упрекнуть их в нарушении общественной тишины. Общежитие было пустынно, и только они вдвоем пели и пели для себя, для двоих.

Милая, милая, счастье мое...

*Все события ежесекундно
Происходят совсем не напрасно.
Все случайности пересекаются,
Даже звезды друг с другом встречаются.*

Всё происходит в своё точно определенное время. Как бы ты ни пыжился, какие бы ни строил планы и, в каких бы иллюзиях ни витал, судьба сама устраивает твой очередной поворот жизни. Как назвать судьбу – злодейкой или благодетельницей? Иногда она кидает тебе роскошные подарки, иногда бьёт, чем ни попадя по голове, да так, что можно упасть и не вздохнуть. Главное – не пропустить свой звёздный час и не упустить шанс. Этот шанс может выпасть в виде трамвайной остановки, вывески, случайно услышанного слова. Он не придёт к тебе, потрясая километровыми лозунгами и громом аплодисментов, он тих и незаметен. Слушай себя. И поступай так, куда поведет первый импульс сердца.

Было это при прохождении преддипломной практики на одном из крупных заводов в южном городе. До общежития, где жила Маша, шёл один-единственный трамвай номер четыре. Ясным октябрьским днём она вышла с проходной завода и медленно пошла по тротуару, наслаждаясь почти летним теплом и цветением ослепительных ярко-красных калл.

В голове никаких мыслей, только безмятежное созерцание окружающего роскошества южной природы. Впереди, на конечной остановке, мелькнул трамвай с цифрой четыре. Девушка заскочила в трогающийся вагон почти на ходу. Пассажиров было мало, много свободных мест, можно спокойно сидеть у окна, разглядывая проплывающие мимо дома, деревья... и через две или три остановки маршрут показался ей незнакомым. Трамвай повернул в другую сторону и поехал совершенно по другой улице. Первая мысль – сойти на следующей остановке. А в голове раскручивается слабой пружиной ленивая и вялая вторая мысль, потом и третья: «А зачем? Куда торопиться? Такая красивая улица...» Действительно, торопиться некуда. В общежитии делать нечего, а посмотреть новый район Ташкента всегда интересно.

Мелькнула вывеска: КАССЫ АЭРОФЛОТА. Вот оно! Хотела сойти, но трамвай уже тронулся. Яркие зелёные газоны, клумбы, дома оригинальной архитектуры – всё двигалось навстречу и мимо, пока Маша доехала до конечной остановки и, выйдя, наконец, разглядела номер трамвая. Оказалось – 14. Немного ошиблась, но ничего страшного, зато узнала новый район. Город она пока почти не знала, и, чтобы добраться до общежития, села на тот же трамвай, только в обратную сторону. Теперь поведение девушки неосознанно подчинялось неожиданной случайности. Объясняя своё немотивированное поведение желанием посмотреть, как выглядят изнутри КАССЫ АЭРОФЛОТА, Маша вышла на этой остано-

ке. Внутри здания за окошками многочисленных касс скачали женщины в униформе Аэрофлота.

– Билеты до Казани есть?

– Да, рейс через четыре часа.

– Дайте мне один, пожалуйста.

В общежитии Маша жила со студентками из Куйбышева, которые тоже приехали на преддипломную практику. Никто не поверил, что она летит в Казань через несколько часов, все подумали, что это – розыгрыш, потому что только вчера вместе покупали билеты на субботний концерт артистов югославской эстрады. Билет на самолёт убедил девушек безоговорочно. Самое странное то, что никто не задал вопроса, почему Маше вздумалось лететь, а если бы и задали, то вряд ли получили внятное объяснение. Ну не было никакой видимой причины лететь в Казань! Обстоятельства сложились так, что повело, повело, и точка.

Самолет прилетел ночью. Третьекурсницы из Машиной комнаты много не расспрашивали, а просто уступили ей койку, сами потеснились.

Серое осеннее утро началось промозглым дождём. Вот где пригодился плащ, уже на пороге навязанный соседкой. Маша съездила в аэропорт, купила билет на вечерний самолет, а остальное время навещала (как сейчас говорят – тусовалась) всех знакомых в общежитии, узнавала факультетские новости, рассказывала свои, делилась впечатлениями о кра-

соте Ташкента. До отлёта осталось два часа. Решила ещё раз провести знакомых на другом этаже и вот оно – ТОТ момент, из-за которого вскочила в другой трамвай. По коридору навстречу шёл однокурсник её тайной и неразделенной любви. Никогда до сегодняшнего дня он не заговаривал с ней.

– ТЫ?

– Да!

– А ОН знает?

– Нет, ОН не знает. Говорят, с другой встречается, что ему я...

– Да он только о тебе и говорит с утра до вечера! Все уши прожужжал. Заходи к нам.

– Я улетаю. Вряд ли смогу.

– Нет, нет, идем со мной. Ты зачем вообще приехала, если не к нему?

– Я...

Не дождавшись ответа, схватил за руку, поволок Машу за собой. В комнате было двое. Один сидел за столом, что-то писал. Второй спал, скрючившись в позе младенца внутри утробы. Это был Он.

– Спит, не разбудишь. Попробуй...

Маше было неловко от такой настойчивости и она, подойдя ближе к спящему, осторожно дотронулась до плеча. Он вскочил, как ванька-встанька. Была такая детская игрушка, как её ни роняешь, всё равно принимает вертикальное поло-

жение. И затараторил быстро, быстро,

— А я сон вижу. Будто ко мне приехали из Ташкента. И мне так тепло, тепло.

— Я не сон.

— Вот и говорю, что сон. Хороший сон.

— Я улетаю скоро.

— Всё равно сон.

И снова завалился спать, натянув одеяло на голову. Однокурсник, пояснив, что они только что пришли с работы (подрабатывали грузчиками) и сильно вымотались, предложил ей снова попытаться разбудить. Ничего не получалось. Так и не добудившись, девушка просидела полчаса, односложно отвечая на вопросы и сглатывая слёзы.

В аэропорт просила не провожать, на удивление быстро поймала такси прямо возле общежития. Таксист, молодой парень, не спешил трогаться,

— Вас кто-то сильно обидел?

— Нет.

— Слёзы ручьем просто так?

— Дождь на улице... мне в аэропорт.

— Может, подождать кого-то?

— Нет.

И уже через полчаса Маша стояла у стойки регистрации, не замечая никого и ничего вокруг, кроме электронного табло с временем отправления рейсов.

Женщина, стоявшая сзади в очереди, вдруг сказала,

– По-моему, это вас ищут.

– Никто меня не ищет, я без провожатых.

– Нет, это вас ищут. Это только вас может искать такой парень! Вы очень похожи!

Маша повернулась. Глаза. Его глубокие серо-голубые глаза беспокойно обшаривали зал аэропорта, останавливаясь на каждом человеке, и порывисто устремились навстречу карим Машиным.

– Милая! Милая!

– Счастье моё...

Мужчина и женщина

– *Да бабник, я бабник,* – говорит он и серьезно смотрит на тебя, оценивая твое отношение. И кто сказал, что этот мужчина циничен и не пропускает ни одной особы женского пола, чтобы не сделать на нее стойку? Взгляд его умудрен и насмешлив. Ладно, пусть думает, что соглашаюсь с ним. Чем бы дитя не тешилось.

Конечно, бабник, да не только бабник, а мечта всех женщин, да разве можно устоять перед таким красавцем

Вот и попался, дорогой, теперь посмотрим, как дальше будешь выкручиваться. Делаем финт на 180 градусов.

– *Расскажи о себе,* – говорит женщина, втайне надеясь, что разговор не затянется. Что можно сказать при первой встрече, думает она. Сейчас послушаю и разбежуся.

Мужчина резко становится серьезным и подыгрывает:

– *Учеба, армия, работа...* – да слушает ли она?

Она все слышит. Прикрыла глаза, утопая в звуках бархатного баритона, и не понять, о чем думает сейчас. Этот голос, да я бы все отдала только за голос, пошла бы куда угодно, только позови.

– *И где же ты был раньше?*

Открыла глаза, взгляд его серьезен, а ты, – говорит он,

– *Как ты жила до меня?*

Да знаешь ли ты, что я полгода ищу тебя после случай-

ной встречи. Да ты и не знаешь об этой встрече. Совершенно случайно зашел на обед в другую столовую, ты выходила из дверей и обожгла меня взглядом. Знаешь ли ты, сколько раз я специально ходил туда снова и снова в надежде еще раз встретить тебя, хотя это так далеко от нашего цеха. Интересно, о чём ты думаешь сейчас?

— Знаешь, говорит она, — я думаю, как странно мы с тобой встретились. Столько мужчин искали встречи со мной, а никакого отклика в моем сердце не было. Значит, это был не ты. Но у нас такая огромная разница в возрасте. И ты женат.

Я поклялась, что ни одного мужчину не впущу больше в свою жизнь, ни на кого не посмотрю. А услышала твой голос по телефону и с первого звука поняла, что не могу без тебя, хочу видеть с первого слова....

Какое счастье, что я тебя нашел. Искал везде, и никому нельзя было сказать, кого я ищу. Интересно, ты всегда так смотришь, ты же спалить можешь на ходу. Я не знаю, что тебе сказать, чтоб ты не отвернулась от меня, не ушла.

— Да, это был не я, милая.

Какая ж я дура, что сразу не встретилась с тобой, но пойми, мне надо было привыкнуть к мысли о тебе, да что это я, разве это главное. Почему я ждала полгода? Вот он рядом, и нет преград, и не знаю, что ему сказать, чтобы не ушел, не ушел, не ушел....

— Хочешь чаю, я хорошо завариваю.

Дружеский чай, дружеский треп... Да очнись ты, наконец, посмотри мне в глаза, подойди ко мне поближе...

Почему он молчит, и такой странный взгляд, заговори со мной, хочу утонуть, утонуть в твоём голосе...

— Скажи, чем ты занимаешься в свободное время?

О чем я? Вот оно, время — остановилось, а я о чем??? Какое счастье сидеть рядом с ним, быть так близко, и времени нет, и возраста нет, какой возраст, это мой мужчина, что ему сказать, чтобы не молчал, не ушел. Я уже не умею говорить нежные слова, я зачерствела, поймет ли он. Да, надо распрощаться, пока я не погибла.

— Как тебе чай с травкой?

О чем она? Вот оно — время долгожданной встречи, а она о чем??? Пойми же ты меня, я пьянею рядом с тобой, что же сказать, чтобы не испугать тебя, чтобы не потерять тебя, милая, любимая...

— Вкусный, с какой травой завариваешь?

Разделенные столом, они сидели молча, допив чай.

Встали.

ОН УХОДИТ! Не уходи!

ОНА ПРОЩАЕТСЯ! Остановись!

— Милый, я так долго тебя ждала.

– Любимая, вот он – Я!

Запах душистой акации

Через улицу была махалля*. Жители махалли и заводских многоэтажек придерживались неписанного правила – никогда не переходить границу. Даже дети играли каждый на своей стороне. Пересекались только у магазинов, где на корточках сидели узбечки с разложенными на земле пучками аккуратно связанной редиски, свежей зелени и лучка в начале весны, или с бидонами ароматной ягоды в зависимости от сезона: черешни, вишни, абрикосов, винограда. Для каждой ягоды и каждого овоща была своя тара и своя такса. Зелень в пучке продавалась по десять – пятнадцать копеек, бидон ягод стоил от пяти до двадцати рублей, помидоры и огурцы кучкой, за кучку – рубль. Еще продавались ароматные лепешки, сложенные грудой в тазах, ароматные, с пылу, с жару, только что снятые с тандыра. Лепешки охотно и в большом количестве поглощались многочисленной детворой панельных многоэтажек. Сдал бутылку лимонадную за десять копеечек возчику с шара – бары*, купил лепешку.

Весной и в махалле, и в заводском районе начиналось буйное цветение деревьев. Не знаю, как в других южных городах, но в Ташкенте улицы и кварталы были засажены фруктовыми деревьями. Розовое кипение цветков персика, бледно – розовые покрывала абрикосов окружали и заворачи-

вали столицу, начиная с первых дней апреля. Голые до поры кроны деревьев покорно ждали, пока не отойдет буйный ароматный цвет, окутывающий дома, и только после этого осторожно выбрасывали нежные светло – зеленые листочки, которые с каждым днем становились все ярче и ярче, пока не набирали бирюзово – зеленый оттенок. После этого наступала очередь белого цветения черешни, вишни и яблонь. Эти деревья не цвели так безрассудно и одержимо, как персики с абрикосами, а степенно обзаводились листвой и лишь потом раскрывали тугие бутоны соцветий.

В марте и апреле воздух в городе насыщался ароматами фруктовых деревьев, благотворно действуя на жителей округи. Вокруг становилось больше улыбающихся людей, дети играли в мирные игры, забыв о драках, а неуступчивые узбечки отдавали десятикопеечный пучок зелени за пять копеек. Казалось, что не надо никаких лечебниц, никаких лекарств от болезней, а можно просто погулять среди этого буйного кипения цветов, чтобы все в человеке пришло в порядок, ушли все невзгоды, болезни и печали. Не случайно Новый Год – Навруз отмечается в восточных странах именно весной – первого марта, во время бурного расцвета всей окружающей природы.

В такое благодатное время родители с грудными детьми все свободное время проводили на улице. Малыши, убаюканные весенними ароматами и свежим ветерком, безмятеж-

но спали в разнообразных колясках, а молодые мамыши сидели рядом на лавочках, греясь под теплым солнцем.

Мой сын, в отличие от других малышей, не засыпал в неподвижной коляске, поэтому я постоянно катала ее по кварталу. Прогуливаясь, выбирала места под персиковыми деревьями; их тонкий запах нежнее других действовал на моё обоняние и инстинктивно манил к себе. Наклоняясь и разговаривая с сыном, агукающим в промежутках между краткими периодами сна, я, не поднимая головы, одним нюхом чувствовала, под какими деревьями мы сейчас проходим.

В середине апреля в знакомый букет ароматов вплеся едва различимый неизвестный запах. И, ведомая им, как магнитной стрелкой, я пошла по кварталу, заглядывая в разные уголки соседних дворов. Со стороны, наверно, это была очень интригующая картина – молодая мамаша катит коляску с ребенком, изредка останавливается, крутит головой, раздувая ноздри, и резко разворачивает коляску. Так я шла и шла по неведомому мне курсу, пока не поняла, что вот он – источник манящего запаха. Перед узбекским глинобитным домом росла акация, покрытая пушистыми дымчатыми цветами, и такой божественный запах шел от этих цветов, что не хотелось отходить. Сын тихо сопел, убаюканный долгой прогулкой.

Огляделась, запоминая, где растет притянувшее меня дерево. Оказалось, что добрела до центра махалли, недоступного для жителей многоэтажек. Медленно двигаясь по улице, я то и дело оборачивалась, чтобы надышаться запахом акации.

– Что, гуляешь? – это полюбопытничал пожилой узбек в неизменном для стариков ватном халате...

– Запах. Такой запах! Вот пришла посмотреть, что за дерево. Извините, что забрела на вашу улицу.

– Душистая акация. Нравится? Так приходи всегда, не жалко.

– Душистая акация, душистая акация, – твердила про себя, уходя и стараясь не забыть название чарующего дерева. На следующий день уже привычно снова завернула в махаллю и прогулялась от акации до конца улицы и обратно несколько раз. Надо ли говорить, что эта дорога стала моим привычным и ежедневным маршрутом? Старики – узбеки настолько привыкли ко мне, что приглашали на чай, останавливали поговорить, а тем, кто спрашивал, почему я тут гуляю, а не в своем районе, говорили,

– Не мешай человеку. Видишь, акация цветет, а у них в квартале не растет.

Осенью покупала зелень, как всегда, у магазина.

– Вай, джаным, что не ходишь к нам больше?

На меня, улыбаясь, смотрела полная узбечка с тазом лепешек.

– Куда?

– Акацию смотреть, как куда!

– Так отцвела акация.

– Аксакал сказал, пусть гуляет снова, сынок у нее красивый, не сглазили бы в вашем квартале. А у нас тихо, никто не мешает.

– Рахмат, апа, приду!

– Приходи, гуляй до весны, весна будет – акация снова зацветет.

Весна будет, акация зацветет – жизнь идет!

* Махалля – узбекский район города

** Шара-бара – старьевщик

Гульбахор¹

В камышах было тихо. И страшно. И холодно.

Холода Гульбахор почти не замечала. Она дрожала безостановочно больше от страха, чем от прохладного горного ветра. Сейчас бы сюда курпачу постелить самую бедную, самую рваненькую, а то живот уже заморозился весь... на спину она не рисковала перевернуться, боялась застудить легкие. Помнила, как бабушка, простудив поясницу, скрючилась до конца жизни своей и постоянно твердила внучке,

– Береги спину, внученька. Спина болеть будет, никому не нужна будешь: ни мужу, ни родственникам. Никому не нужна больная женщина. А у тебя ни отца, ни матери, некому защитить.

И принималась тихо-тихо плакать, вытирая слезы краешком заношенного ситцевого платка, только они успевали появиться в уголках глаз. Гульбахор не помнила родителей. Всегда в жизни её была только бабушка. Сначала они жили вдвоём в маленьком саманном домике на краю кишлака. Бабушка целый день копошилась на крохотном участке. Хвала Аллаху и благословенной триждыродящей за год земле, они были и сыты, и обуты. По вечерам бабушка шила на заказ незамысловатую одежду для односельчан. Шила на руках, швейной машинки у нее не было. И на вырученные деньги

¹ Гульбахор – Цветок весенний (гуль – цветок, бахор – весна, на узбекском)

покупала хлеб и одевала внучку. Так медленно и незаметно текло детство девочки – сиротки.

Неспешная жизнь закончилась ранней весной больше десяти лет назад, когда бабушка, окучивая грядки с клубникой, просквозила поясницу на прохладном ветру и не смогла больше разогнуться. Гульбахор сильно перепугалась, плача, с трудом довела старушку до топчана, что под виноградником, в тени благословенной лозы примостился. Было ей тогда неполных семь лет, и она не понимала, почему так горько стала причитать бабушка, глядя внучку по длинным косичкам, чёрным, как смоль.

– Ай, балыкаем, балыкаем, – повторяла та, вытирая слезы. Девочка надеялась, что бабушка отлежится, пыталась выполнять за неё все работы по дому, уговаривала не вставать, лежать дольше. Соседи говорили, что надо бы врача, да где могла она найти врача, если дальше двора ни разу одна не выходила. Знала только дорогу до базара, и то туда не разрешалось девочкам ходить одной. И не нашла бы. Приезжала изредка машина с врачами из Ташкента, они осматривали всех подряд, да зубы подлечивали, а стариков уже не лечили.

Стараниями соседей старушку перевели в дом, к окну, вставала она с трудом, ходила по стенке. Для туалета ей поставили ведро, которое Гульбахор каждый день выносила в яму за домом и прикрывала крышкой, как учила бабуш-

ка. Девочка умывала бабушку, кормила, сидела рядом с ней; теперь смысл её жизни заключался в том, чтобы ухаживать за единственным родным человеком на свете.

Плохо было с едой. Сначала заносили соседи, кто лепешку горячую тандырную, кто касу ароматной шурпы, кто вкусный плов в миске; но ведь у каждого своя жизнь, и любое милосердие не может быть бесконечным. Летом зрели помидоры на грядке, поспевала клубника, куст черешни радовал крупными сочными ягодами. К осени наливалась крупными плодами яблоня, твердели орехи на орешине. А виноградная лоза зачахла, не под силу было девочке ухаживать за ней, полить она ещё полила бы, но поднять и удержать тяжёлую мотыгу с длинным черенком детские руки не могли.

Когда по вечерам солнце стало садиться не в тёмно-жёлтые облака, а в свинцовые тёмно-синие тучи, и по ночам со стороны гор стали дуть ветры с запахом свежавывавшего снега, бабушка попросила внучку позвать соседку,

– Лола-джаным, позови моего племянника, поговорить с ним хочу, – обратилась старушка к молодой женщине.

Гульбахор в страхе затаилась. Давно, ещё маленькой, она подслушала разговор бабушки с соседкой. Та спрашивала, почему они, старая да малая, не переедут к родственникам, есть же у них родня в соседнем селе.

– Нет, – отвечала бабушка, – каменное сердце у них. До последних сил будем одни жить. Вот будет невоготу, тогда подумаем.

Племянник жил в соседнем кишлаке. Гульбахор вспомнила, как с его приездом прохлада окутывала её сердце, словно ледяным покрывалом. Тогда она поняла, что значат слова бабушки «каменное сердце». Если само присутствие бабушки вселяло в неё надежду и веру, обволакивало теплом, то нахмуренный и мрачный вид дяди ничего доброго не сулил.

И сейчас девушку обволокло холодом, но этот холод был от предчувствия зимней погоды, от близости воды, от холодного ветра, от невозможности пошевелиться. Вдруг люди уже идут по её следу, лучше перетерпеть, чтобы не нашли. Руки под животом затекли, и она, понемногу вытягивая их вдоль туловища, пыталась принять более удобное положение, чтобы размять окоченевшие суставы. Неловко задела кусты камыша, и тут же поодаль послышался шорох. Гульбахор замерла. За шорохом последовало приглушённое водой мурлыканье, похожее на кошачье. Камышовый кот! По доброй воле никто не хотел бы встретиться с этим вольнолюбивым представителем кошачьего племени. Одно утешение, кот не подпустит к себе никого, кто будет идти напролом через его владения, Ей повезло, что она так тихо проползла и не потревожила кота, не нарвалась на его когти.

Хорошо, что бабушка умерла в прошлом году, и не видит свою внучку. Кто его знает, смогла бы она защитить её от придирок и издевательств дяди. Чего только не наслушались они, живя в его доме: и попрёки каждым куском, и тре-

бования выдать лишнюю обузу замуж. Но понимал жестокосердый, что, если выдать Гульбахор замуж, некому будет следить за полуподвижной старухой, и особо сильно не настаивал на замужестве сиротки. И бабушка изо всех сил цеплялась за жизнь в угасающем теле, знала, какая участь ждет любимую внучку без неё.

– Гульбахор, терпи, милая, терпи, я не дам тебя в обиду, не выдам тебя замуж раньше пятнадцати. Спасибо говори своему дяде, молись, не оставил нас без куска хлеба, не гонит. Пока ты при мне, не тронет он тебя.

Жена дяди, забитая и молчаливая женщина, по-своему жалела незадачливых родственников, подсовывала лишний кусок девочке, когда муж не видел, не заставляла работать на грядках, всего-то и повинности у неё было – натаскать воды и держать в чистоте дом и двор. Бабушка научила внучку шить, и добавилась обязанность обшивать всю большую дядину родню. Единственное, из-за чего сокрушалась старушка, что Гульбахор так и не продолжила учёбу. Племянник не пустил дармовую работницу после окончания четырёх классов в школу, заявив, что для замужества она не нужна, и добавил сердито и зло, обращаясь к бабушке,

– Много ли счастья принесла учёба твоей дочери, выучилась на учительницу и с позором приехала!

Только сейчас поняла Гульбахор, почему так плакала бабушка при расспросах о родителях. Выпытала у неё, что училась мама, бабушкина дочь, в столице в педагогическом учи-

лице. Ездили тогда по кишлакам ташкентские профессора из разных вузов, агитировали учиться, и мать, юная тогда де-вушка, уехала с мечтой стать учительницей. Вернулась в ки-шлак через четыре года с маленькой дочкой и мужем другой национальности и другой веры. Родные не приняли её выбор, вынудили развестись с мужем – иноверцем. Отца Гульбахор выгнали из кишлака, а молодую женщину просватали за до-стойного, с их точки зрения, мужчину.

И тут бабушка затряслась в рыданиях, закрывая рот плат-ком, чтобы не услышали домочадцы,

– Балыкаем, балыкаем, довели, руки наложила... Вну-ченька, доченька, цветок мой весенний, обещай мне, что никогда не наложишь руки на себя, не возьмешь смертный грех на душу. Как бы ни было тяжело тебе, помни о родных, помни о душе своей, что останется бродить неприкаянной.

Вот и лежит теперь внученька в камышах, сбежала от ненавистного мужа. А как мечтала, чтобы муж оказался молодой да красивый! Ведь знала, что со смертью бабушки одна ей дорога – в замужество, ненавистное заранее, так пусть хоть избранник будет молодым, не старым. Оказалось, просить надо было у Аллаха мужа доброго, а не молодого. Места живого не осталось у Гульбахор на теле, вся в синяках. Получала от мужа ласку и ногами, и плетью. Сколько лет могла бы она так протянуть, неизвестно. Этой ночью особенно жестоко избил муж ни за что. Сначала не понравилось, как ублажала его, потом придрался, что недостаточно смирения выказала, потом выместил злость за то, что она год,

как законная жена ему, а ребенка родить не может, не травит ли она случайно его законного наследника, не успев зачать. Как заснул, так и хотела петлю соорудить тут же на пороге и повеситься...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.